

ОСТОРОЖНО, ОЦЕНКА!

Инструкция

ПО «ТЕХНИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ»

В народе говорят: недосол – на столе, пересол – на спине. В педагогике чаще наоборот: лучше переоценить, чем недооценить. Когда нас, взрослых, недооценивают, – это трагедия. А ребёнок иногда сталкивается с этим каждый урок! И если он теряет ориентиры, то ему становится всё, что называется, «по фигу». А если привыкает, то начинает приспосабливаться к амбициям учителя – суетиться, беспокоиться. Но не о работе, а о пустом – балле, престиже и о тех благах, которые за этим стоят. О мороженом, например.

Предприимчивый девятиклассник слово в слово списал пятёрочное домашнее сочинение у приятеля из параллельного класса (там Гоголя «прошли» неделю назад). И получил «три»!

Выходит, что двое учителей одной и той же школы читают одно и то же сочинение, и один ставит пятёрку, а другой – тройку.

Третий учитель (из той же школы) прокомментировал этот курьёз так:

– В.Н. недавно закончила университет, и на пятёрку она оценила бы разве что сочинение уровня собственной курсовой работы. А Н.В. в школе работает давно и реально представляет себе возможности того или иного ребёнка того или иного возраста.

Конечно, здорово было бы так: если получил «пять», то это везде «пять», в любой школе и у любого учителя. Но возможен ли подобный технократизм в педагогике?

МАРИЯ ГАНЬКИНА,
учитель, г.Москва

Пресловутая оценка-отметка...

**Что именно ею оценивать и что отмечать? Каковы критерии, рамки? Тройка – она и есть тройка, или у Пети она одна, а у Васи – совсем другая? Может ли оценка быть объективной? Так называемое прилежание влияет на оценку? Не рычаг ли власти – оценка? Завышение или занижение оценки – это относительно чего? Что для вас значит оценка «отлично» – отлично от чего? А «удовлетворительно» – удовлетворяет кого? Что хуже – завысить оценку или понизить? Кому хуже? Это «хуже» для учителя и ученика – одно и то же?..
Множество вопросов...**

Что оцениваем

Хорошо, если у ребёнка сохранена психика и он может с достаточной иронией отнестись к оценке – будь то пятёрка или двойка. А если нет?

Оценка – инструмент тонкий, и владеть им, не скатываясь к примитивной подмене его сути собственными амбициями, целями и заблуждениями, – трудно.

Конечно, ребёнку лучше уважать оценку, коли уж она есть. Её необходимость проверена многими поколениями. Она не только мнение о работе, но и цифра с росписью, которая ставится и в журнал, и в дневник. Иначе оценка бессмысленна.

Однако нам, учителям, полезно понимать, ЧТО мы оцениваем:

- способности ученика или то, как он ими распоряжается;
- талант или возможность;
- труд или результат? (А, может быть, поведение на уроке?)

Профессиональные запреты

Для того чтобы и самому удерживаться от излишней серьёзности в отношении оценки, и ученикам в этом помогать, хорошо бы придерживаться следующих правил (ну хотя бы стараться!):

- **не делать оценку самоцелью для учеников;**
- **не пугать оценкой, не вызывать к ней ни слепого страха, ни равнодушия;**

- **не карать оценкой, не делать из неё средства сведения счётов;**
- **не провоцировать оценкой спесь в одних учениках и ёрничество – в других;**
- **оценивать не человека, а только его работу;**
- **самому не быть истиной в последней инстанции.**

Это для учителя даже не правила, а профессиональные запреты самому себе.

Кто «первое»?

Дети жаждут, чтобы их одобряли, – это очевидно. Даже если нет количественного (в виде отметки в тетрадь, дневник или журнал) выражения одобрения, дети ждут улыбки, взгляда, жеста. Ведь одобрение окрыляет.

И тут уже зависит от нас, учителей, сделать ли себя центром этого ожидания или устроить так, чтобы дети стали интересны друг другу, чтобы им было важно не столько наше одобрение или неодобрение, сколько мнение друг друга о своих работах. Тогда, может, и у нас, и у наших учеников будет меньше проблем? И число детских и взрослых неврозоз поуменьшится?

Вот обычная картина, которую наверняка наблюдал каждый из нас. И наверняка был в своё время её участником. Сидоров выполнил задание: «Марьяванна, я уже!». Марья Ивановна подходит, глядит в тетрадку и говорит (не Си-

дорову – остальным «недотёпам»): «Молодец! Быстро справился».

Но вот и остальные «недотёпы» наконец дотёпали: «Марьяванна, у меня тоже посмотрите!.. И у меня!..» Возникает очередь жаждущих высочайшего внимания Марьяванны. И на Сидорова они посматривают явно недружелюбно – за то, что он «первее».

Другая учительница в похожей ситуации предпочитает поступать так. Незадолго до того, как кто-то из «первых учеников» закончит работу, она говорит:

– Стоп! По моему хлопку все меняются тетрадками со своим соседом, отмечают в ней восклицательными знаками *самое-самое* (интересное, точное, забавное, экзотическое) и доделывают работу до конца.

Потом тетрадки вернутся к хозяевам, для того чтобы те оценили по справедливости вклад соседей в свою работу, – то-то разговоров будет! И, может статься, соседи взглянут друг на друга с неподдельным интересом? Может быть, именно в это время они и сделают очередной шаг к тому, чтобы *ценить* друг друга? *Ценить* работу? И свой вклад в том числе?

Ученики – от шестилеток до старших подростков – с большой охотой берутся за судейство. Мы, учителя, об этом хорошо знаем, однако не спешим им доверять: «Ученикам ведь не известны все критерии – они могут судить неверно». Так оправдываемся мы, защи-

щая свое стремление занять место сильного, знающего, умелого, умного взрослого – среди «слабых», «незнающих», «неумелых», «неумных» детей.

Между тем, С.Л. Соловейчик ещё в прошлом веке отмечал, что учителя пренебрегают радостью учеников отвечать перед товарищами. Ученики смотрят только на учителя, следят за выражением только его лица: доволен, недоволен? Чем меньше ученики уверены в себе, тем чаще они смотрят на учителя. Если он хмурится, они окончательно запутываются. Поэтому Соловейчик, обращаясь к ученикам через головы учителей, взывал: «А давайте, в поисках необходимой поддержки, смотреть на кого-нибудь из друзей: доволен ли он ответом?»

ОТДАЙ СУДЕЙСКУЮ РОЛЬ

Одна учительница, решившая отдать роль судьи своим ученикам, написала: «Соблазнительно не брать на себя ответственность и предложить детям самим оценить себя и своих товарищей. Но внутренний оппонент не дремлет: а если я не согласна с их оценкой? Если я считаю её вопиющей несправедливостью и у меня душа рвётся это исправить? Я, конечно, «играю по правилам» и, поставив детскую оценку в журнал, позволяю себе лишь назвать свой вариант и обосновать его. Но не загоняю ли я тем самым детей в созданные мною же

рамки? Или я формирую у них способность к объективной оценке? С чьей точки зрения объективной? Хорошо, конечно, попросить их аргументировать свое мнение. Но как часто я бываю с ним не согласна, хочу добавить или исправить! А имею ли я на это право?»

Раз учительница мучится вопросами, значит, она уже на полпути к их разрешению. Главное – учительница понимает, что оценка может таить в себе много опасностей. И хочется верить, что тем самым она уже не навредит своим ученикам.

Многие из тех учителей, кто говорит, что отказался от отметок, на самом деле всё равно *отмечают*: и не только то, что им нравится – наклейкой на обложку тетради, ручкой в подарок или просто своим одобрением. Но и то, что *не* нравится – хотя бы отсутствием оных. И опять дети вопрошающе глядят

на нас, учителей: милость или гнев обрушатся сейчас на их головы? И ещё неизвестно, что хуже. Гнев – тогда школьное начальство и родители заключут. Милость – одноклассники засмеют: выслужился, мол, отличничек.

А если почаще отдавать роль судьи самим ученикам, то и негативные стороны отметки в виде цифири становятся не такими уж и страшными.

Три с двумя плюсами

Представьте: сидят ученики по группкам-компаниям, и в каждой компании одновременно идёт несуетная работа. Ребята по очереди (как жребий выпал) декламируют друг другу наизусть монолог Чацкого, заданный на дом. Остальные члены команды следят по тексту, поскольку им предстоит договориться об оценке чтецу. Судят, между прочим, придирчиво, обсуждая множество деталей. Пяти баллов явно не хватает. Попадаетея и четыре с двумя минусами, и три с двумя плюсами.

Никто не в обиде: ведь каждому предстоит побывать и в роли судьи, и в роли «подсудимого». Никто не старается – как это обычно бывает, когда судит учитель – увильнуть от роли «подсудимого». Нет и выпавших из работы. Напротив, все сосредоточенны, идет разговор по делу. Их общему делу.

Учитель же, отдавший лидерство и потому свободный от выяс-

нения отношений с учениками, уйдя в *свето-теневую позицию*, только тогда и начинает по-настоящему *видеть* своих учеников.

А детские отметки? Учителю полезно пойти до конца и отважно проставить их в журнал. А рядом через косую линию ещё одну – за суждение, которое может быть справедливым или не очень.

А вот совсем другая картина. Царственной рукой отметки величественно раздает учительница, сидя на троне в своем кабинете. А в коридоре за дверью – очередь «Сдавать Лермонтова». Входят по одному. Выходят – одни бледные, другие красные.

– Ну что?

– Трояк. Не могу я, как Верка, с героическим выражением.

Без особого пиетета

Если учитель не ведает о том, что оценка может превратиться в нечто разъединяющее учеников, не предчувствует её коварства, не знает, как с ней быть, как сделать её, напротив, началом, которое бы объединяло ровесников, – тогда ему лучше стараться обходиться без оценок. По крайней мере, ущерб подрастающему поколению будет нанесён меньший.

А если начальство всё же требует оценок? Что ж, пожалуйста, сколько угодно! Каждый ученик имеет право получить весь спектр отметок. Опыт показывает, что «отличнику» всегда есть за что поставить двойку, а «двоечнику» – пятёрку. Все зависит от критерия. Отличник: не помог соседу – двойка «за дружбу». Двоечник: списал без единой ошибки у соседа – пятёрка «за внимательность».

Какое начальство в силах запретить вам оптимистично и не слишком серьёзно (без особого пиетета) относиться к разным двойкам и пятёркам! Глядишь, тогда и не будет в классе привычных ярлыков «отличник» и «двоечник», которые так разобщают учеников.

